

Вы знаете Эмилию?

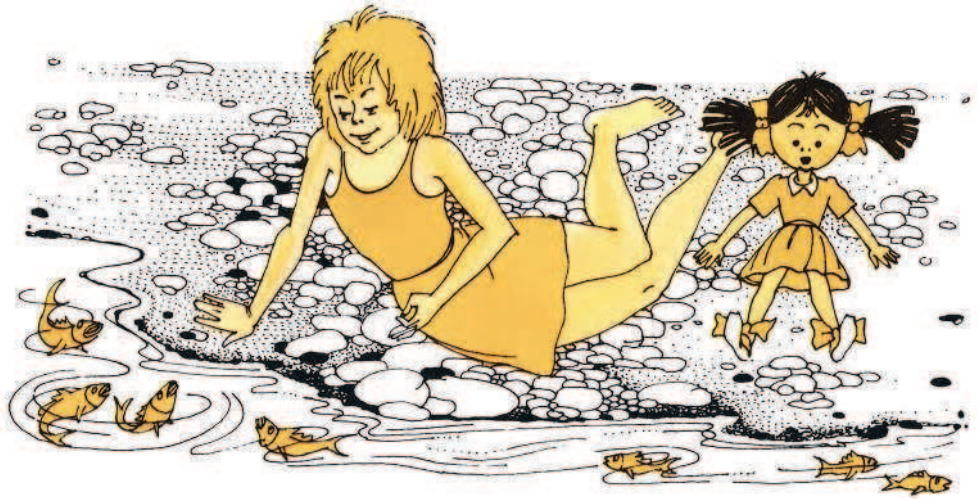
Если нет, то очень советуем с ней познакомиться! Это самое удивительное существо на свете. Вы не смотрите, что она просто тряпичная кукла, — у неё такой решительный и независимый характер, что только держись!

Эмилия живёт в домике бабушки Бэнты, и у неё много друзей. Кроме самой бабушки и кухарки тётушки Настáсии, которая сшила Эмилию из тряпок, у неё есть друзья-дети: мальчик Педри́ньо и девочка Носишка. А ещё у неё есть такие странные и необычайные друзья, каких, верно, ни у кого на свете нет. Откуда они явились и кто они такие, вы узнаете, если прочтёте эту книжку. В ней собраны самые невероятные и увлекательные происшествия, о которых рассказал детям знаменитый бразильский писатель Монте́йру Лобáту.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

**НОСИШКИНЫ
ЗАБАВЫ**

ГЛАВА 1 • НОСИШКА

В маленьком домике, который в окрестности прозвали почему-то Домик Жёлтого Дятла, живёт старушка. Ей уже больше шестидесяти лет. Её зовут донна Бента. Если кто пройдёт мимо по дороге и увидит её на веранде с корзиночкой для рукоделия на коленях, в очках, сползших на кончик носа, обязательно подумает: «Как скучно жить так вот одной, за городом, в глуши...»

Но кто так подумает, ошибётся. Донна Бента — самая счастливая из всех старушек на свете, потому что с ней живёт её любимая внучка — Лусия, девочка со вздёрнутым носом, за что её и прозвали Носишка. Носишке семь лет, она смуглая и румяная, как плод жамбо, любит жареную кукурузу и уже умеет делать сама сладкие пышки, очень вкусные.

В Домике Жёлтого Дятла есть ещё двое жильцов: тётушка Настасия, добрая старая негритянка, нянчившая Лусию, когда та была совсем маленькой, и Эмилия — тряпичная кукла, довольно нелепая с виду. Эмилию тётуш-

ка Настасия сшила из тряпок, а глаза вышила шёлком и брови тоже вышила, только очень высоко, так что кажется, что Эмилия всегда чем-то удивлена или возмущена. Однако, несмотря на эти природные недостатки, Носишка очень любит Эмилию и не может ни позавтракать, ни пообедать, пока не усадит Эмилию за стол рядом с собой; а прежде чем лечь спать, всегда укладывает Эмилию в игрушечный гамак, привязанный специально для неё на веранде между двумя ножками стула.

Носишке очень нравится сидеть со своей куклой на берегу ручейка, протекающего в глубине сада. Струйки его, быстрые и говорливые, весело бегут, огибая чёрные круглые камни, «чёрные, как тётушка Настасия», говорит Носишка.

Каждый вечер она берёт куклу и отправляется на берег ручейка, садится на выступающий из земли корень старого дерева инга́ и кормит крошками рыбок ламбáри.

Нет рыбки, которая не знала бы Лусию; едва она только появится, как все они плывут к берегу: самые маленькие и беспечные подплывают совсем близко, а кто побольше и посolidнее, те держатся на всякий случай подальше — похоже, что боятся куклы...

Так девочка просиживает целыми часами, пока тётушка Настасия не появится у калитки, ведущей во дворик, и не крикнет протяжно:

— Носи-и-шка, бабушка зовёт!

ГЛАВА 2 • ПРИНЦ СЕРЕБРЯНАЯ РЫБКА

Как-то раз, покормив рыбок, Лусия почувствовала, что её клонит ко сну. Она прилегла на траву, положив себе под локоть куклу, и стала следить за облаками, которые плыли по небу, образуя то вершины, то долины.

И она уже совсем было уснула под говор струек, как вдруг почувствовала, что кто-то щекочет ей нос. Она открыла глаза: рыбка, одетая как человек, стояла на кончике её вздёрнутого носа...

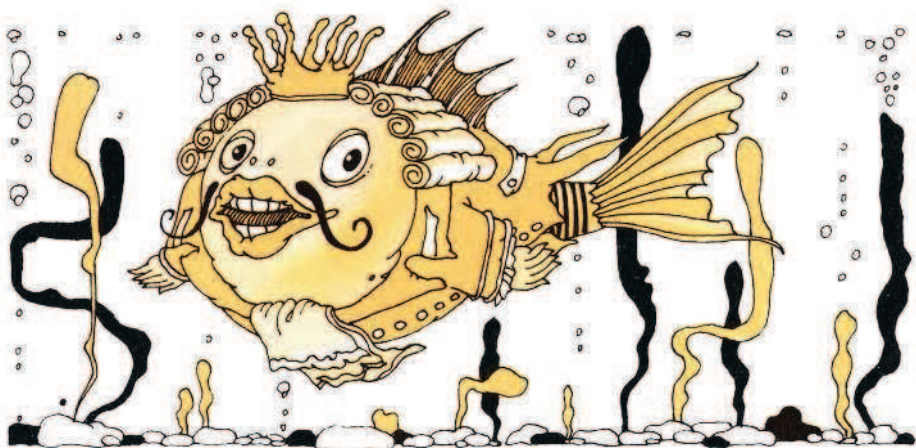
Одетая как человек, да, да. На рыбке была красная курточка, высокая шляпа, а под плавником она держала зонтик — вот чудо-то! Рыбка смотрела на нос Носишки нахмурившись, как будто не понимала, что это, собственно, такое.

Носишка затаила дыхание...

— Напрасно доктор Улитка прописал мне свежий воздух, — сказала вдруг рыбка человеческим голосом, и притом довольно ворчливо. — Что же получается: я прихожу на этот луг, думаю погулять по траве и вдруг наталкиваюсь на эту непонятную гору... Еле взобралась... — И рыбка ткнула зонтиком в кончик Носишкиного носа. — Да она из мрамора, что ли?

Тут Носишка села и сказала:

— Вот и нет, рыбка, я вовсе не гора. Я Лусия, та самая девочка, которая каждый день приходит сюда вас кормить. Разве ты меня не узнаёшь?

— Но тебя невозможно узнать, девочка, — отвечала рыбка. — Если смотреть из воды, то ты совсем другая...

— Может быть, но, честное слово, я — это именно я. А вот эта сеньора — моя подруга Эмилия.

Рыбка почтительно поклонилась кукле и поспешила представиться:

— Принц Серебряная Рыбка, король Страны Прозрачных Вод.

— И принц, и король вместе, вот здорово! — воскликнула Носишка, хлопая в ладоши. — Как хорошо! Мне всегда хотелось посмотреть на сказочного принца или короля, а тут — оба сразу!

Они ещё немного поговорили, а потом Принц пригласил Носишку посетить его страну. Она с удовольствием приняла приглашение.

— Только давайте сейчас же, — сказала она, — пока тётушка Настасия меня не позвала. А потом вы к нам тоже приедете? Да?

— Почту за честь... — любезно отвечал Принц.

И они пошли рядом, как старые друзья. Кукла следовала за ними, не проронив ни слова.

— Кажется, сеньора Эмилия недовольна? — спросил Принц.

— Нет, Принц, просто, понимаете, бедняжка немая от рождения. Я ищу хорошего доктора, чтоб её вылечил.

— При моём дворе живёт замечательный врач, знаменитый доктор Улитка. У него есть такие пилюли, которые помогают от всех болезней. Кто не умирает — все поправляются. Я уверен, что если он возьмётся лечить сеньору Эмилию, так она у вас защебечет, как пташка.

Так, беседуя о чудесных пилюлях доктора Улитки, они подошли к красивому гроту, которого — странное дело! — Носишка никогда раньше здесь не замечала.

— Вот вход в моё королевство, — сказал Принц.

Носишка боязливо заглянула в глубь грота.

— Очень темно, Принц. Эмилия, знаете, боится.

Вместо ответа Принц вытащил из кармана светлячка, служащего ему живым карманным фонариком. Грот осветился, кукла перестала бояться, и Носишка вошла. По дороге через грот их очень почтительно приветствовали совы и летучие мыши, только Носишке почему-то не захотелось с ними знакомиться.

А вот и ворота королевства: Носишка даже рот открыла от изумления:

— Кто построил эту прекрасную арку, Принц?

— Кораллы, лучшие в море каменщики и ювелиры. Мой дворец тоже строили они — он весь из розовых и белых кораллов.

Но вдруг Принц Серебряная Рыбка нахмурился.

— Уже второй раз замечаю, — сказал он, — ворота не заперты. Держу пари, что сторож опять спит.

И действительно, так оно и было. Сторож спал и квакал во сне.

— Майор Жаба! — строго сказал Принц. — Опять вы спите, как свинья! Майор морского флота не имеет права так себя вести!

И Принц дал бедняге такого пинка, что майор Жаба успел только открыть свои круглые глаза, открыть свой круглый рот и, жалобно сказав «ква-а-а», отлететь в угол.

Но Принц уже успокоился и повёл свою гостью во дворец. Какой дворец! Молочно-белые стены из кораллов и под узорчатым коралловым сводом — бордюры из нежных жемчужин, дрожащих при малейшем всплеске волны. Пол из переливчатого перламутра был так гладок, что Эмилия три раза поскользнулась.

Принц Серебряная Рыбка сказал, обращаясь к своему премьер-министру:

— Сзовите всех моих придворных. Я даю праздник в честь моей прекрасной гостьи. И скажите моему кучеру дядюшке Крабу, чтоб приготовил парадную карету для прогулки по дну моря. Идите!

О, эта прогулка по дну моря! Это была, наверное, самая лучшая прогулка из всех, какие пришлось совершить Носишке в её жизни! Парадная карета плавно катилась по белоснежному песку, запряжённая шестёркой морских коньков и управляемая дедушкой Крабом. У морских коньков были головки, как у игрушечных лошадок, и хвосты, как у рыб, а дядюшка Краб вместо хлыста погонял их своими собственными усами: «А ну, поехали!..»

О, какие красивые места! Коралловые леса, заросли живых губок, поля водорослей самых необычайных видов. Раковины, раковины — всех форм и всех цветов. Угри, морские ежи, осьминоги — какого только морского люда здесь не было!

— Рыба-меч! — вдруг испуганно воскликнул Принц, указывая на огромную рыбу с длинным острым носом, быстро приближавшуюся к ним. И, обернувшись к кучеру, добавил: — Назад! Гони!

Дядюшка Краб, получив приказ поворачивать, щёлкнул своими усами по спинам морских коньков и пустил их галопом. Во дворец вернулись как раз к обеду. Носишка, сидя рядом с Принцем, не переставала изумляться убранству стола и тонкому разнообразию блюд.

— Искусство сеньориты Сардинки и её сестёр, — сказал Принц. — Отличные поварахи, и какие аккуратные!

Носишка про себя подумала: «Потому-то они всегда так аккуратно лежат в банке...»

Одни блюда сменяли другие: подавали котлеты из водорослей, филе моллюска, омлет из яиц колибри...

В то время как хозяева и гости ели, оркестр цикад и кузнечиков играл какую-то приятную музыку — три-

ли, три-ли — под управлением маэстро тангарá, державшего в клюве дирижёрскую палочку и топорщившего пёрышки в порыве вдохновения.

В перерывах между музыкальными пьесами три светляка-иллюзиониста показывали фокусы, из которых особенно понравился Носишке номер глотателя огня. Никто лучше светлячков не умеет глотать огонь, это уж поверьте!

Носишка была в таком восторге от всего, что её окружало, что всё время радостно взвизгивала и хлопала в ладоши.

ГЛАВА 3 • РАЗГОВОРНЫЕ ПИЛЮЛИ

Сразу же после обеда Носишка собралась с Эмилией к доктору Улитке.

Доктор согласился лечить куклу и, достав заветные пилюли, позвал пациентку к себе:

— Не бойтесь, сеньора Эмилия, идите сюда. Откройте рот. Вот так.

Доктор выбрал одну пилюлю и положил в рот Эмилией.

— Глотай сразу! — посоветовала Носишка, показывая, как надо глотать пилюли. — И не делай такое страшное лицо. Помни, что глаза у тебя из ниток и могут лопнуть. Ну глотай же!

Эмилия проглотила пилюлю, потом глотнула воздух — и сказала: «Ох какие горькие *лилюли!*» И пошла, и пошла, и пошла — битый час не умолкала. Она так задурила Носишке голову, что Носишка стала просить доктора, нельзя ли, пожалуйста, дать Эмилии другие пилюли — молчальные.

— Нет необходимости, — отвечал опытный врач. — Она несколько часов проговорит, а потом выдохнется и будет как все люди. Это у неё прежний запас неизрасходованных слов, он истощится — и всё будет в порядке.

Так и случилось. Эмилия говорила три часа тоненьким-тоненьким голосом, а потом замолчала.

— Слава богу, — сказала Носишка, — теперь можно поговорить по-человечески. Скажи, Эмилия, как ты себя чувствуешь? Тебе что-нибудь надо?

— Одеяло надеть на голову.

— Платок, Эмилия.

— О-де-я-ло.

— Платок, глупышка!

— ОДЕЯЛО! Я хочу надеть на голову ОДЕЯЛО, потому что пока доктор Утка...

— Доктор Улитка, Эмилия!

— Доктор У-тка! Пока доктор УТЯТКА меня лечил, мне стало *доложно*.

— Холодно! — в последний раз поправила Носишка, сунув Эмилию в карман; очевидно, язык у куклы был ещё недостаточно хорошо подвешен — ничего, со временем укрепитя.

Носишку пугало другое: у куклы, по-видимому, был упрямый и задиристый характер, обо всём она судила по-

своему, и ей, видно, нравилось говорить глупости. «Впрочем, — подумала Носишка, — может, оно и лучше. У нас уж и так двое умных — бабушка и тётушка Настасия. А Эмилия всегда скажет что-нибудь новенькое, с ней не соскучишься».

ГЛАВА 4 • ПЛАТЬЕ ИЗ МОРСКОЙ ВОЛНЫ

А потом Принц познакомил Носишку с лучшей портнихой в королевстве. Это была донна Паучиха. Она умела шить очень красивые платья, такие красивые, что глаз не оторвёшь. Она сама и материю ткала, и фасон выдумывала.

— Донна Паучиха, — сказал Принц, — я хочу, чтоб вы сшили нашей милой гостье самое красивое платье на свете. Я хочу сделать ей подарок.

Сказал и уплыл. Донна Паучиха взяла сантиметр и с помощью шести маленьких паучат, очень ловких, стала снимать мерку. Потом принялась быстро-быстро ткать, и не прошло и нескольких минут, как она сказала «готово»... Носишка, сидевшая в уголке с Эмилией на руках и терпеливо ждавшая, приподнялась:

— Можно посмотреть?

— Нет ещё, — отвечала чудесная портниха.

Носишка вежливо сказала:

— Я видела, знаете ли, много пауков у нас, в бабушкином доме, но они все только и умеют что плести паутину; никто из них не способен самую простую материю соткать, даже ситцу на фартук.

— Так ведь у меня большой опыт, — объяснила донна Паучиха, — мне уже тысяча лет, я самая старая портниха на свете. Я много чего умею. Я ведь долго работала в Стране Фей; между прочим, это я шила Золушке то платье, в котором она была на балу...

— Да что вы! Подумайте! И Белоснежке тоже вы шили?

— А как же. Вот как раз когда я шила ей свадебную фату, со мной и произошёл несчастный случай: я уронила ножницы и отрезала себе левую ногу. Правда, меня потом лечил доктор Улитка, он прекрасный врач, ничего не скажешь, но всё-таки одной ноги у меня не хватает, так что теперь только семь.

— Доктор Улитка вылечил мою куклу, — сказала Носишка, — она уже говорит. Эмилия, скажи что-нибудь.

— Было бы *рохошо*, — сказала Эмилия, — чтобы у меня тоже была катушка в животе: очень *убодно*. А когда нитка кончается, вы другую катушку глотаете или как?

— Нитка никогда не кончается, — с достоинством отвечала донна Паучиха.

Пока они так беседовали, портниха всё шила, повернувшись к Носишке спиной, но платья всё не показывала.

— Готово к первой примерке, — сказала она наконец, — можете надеть.

О! Что это было за платье! У Носишки закружилась голова, и ей даже пришлось сесть, чтобы не упасть.

Это платье не напоминало ни одно из тех, которые рисуют в модных журналах. Из чего оно было сделано? Из шёлка? Да нет же, вовсе не из шёлка. Оно было сделано из морской волны! Какого цвета? Цвета морской волны и всех цветных рыбок, какие только водятся в море. Вместо обычной отделки — кружев, прошивок, лент, вышивок, плиссе или бисера — оно было отделано живыми рыбками. И не то чтобы несколькими рыбками — нет, здесь были рыбки всех цветов: красные, синие, золотые, переливчатые; тонкие, как струна, и круглые, как шарик, с острыми хвостами, с глазами, похожими на драгоценные камни, с длинными подвижными усиками — все, все!.. Теперь только Носишка увидела, как бесконечно разно-

образны по цвету и по форме жители моря! Некоторые казались живыми украшениями из драгоценных камней — украшениями, на которые чудесный ювелир не пожалел самых дорогих бриллиантов, опалов, рубинов, изумрудов, жемчугов и турмалинов из своей сокровищницы. И эти рыбки-украшения не были прикреплены к платью, как это делается у нас на земле. Нет, они были живые и весёлые и плавали в этом платье цвета морской волны, как в море. Так что платью всё время менялось и становилось всё красивее, всё красивее... Оно светилось, искрилось, лучилось, переливалось, потому что рыбки плавали друг за другом, друг над другом, навстречу друг другу, описывая причудливые круги среди мерно качающихся водорослей. Водоросли качались, заплетая и расплетая свои зелёные косы, а рыбки играли, проплывая сквозь них, ни разу не задев даже кончиком хвоста колеблющиеся нити. И всё это играло, и дрожало, и плясало, и всплывало, и набегало, и ускользало, и пропадало, и закипало — без конца, без конца...

Эмилия первая нарушила очарование.

— А кто научил вас делать такую *маретию*, донна Паучиха? — спросила она своим скрипучим голоском, незаметно потрогав подол платья.

— Фея Воображения, — отвечала портниха.

— А какими ножницами вы её кроите, сеньора?

— Ножницами Вдохновения.

— А какой иглой вы её шьёте?

— Иглой Фантазии.

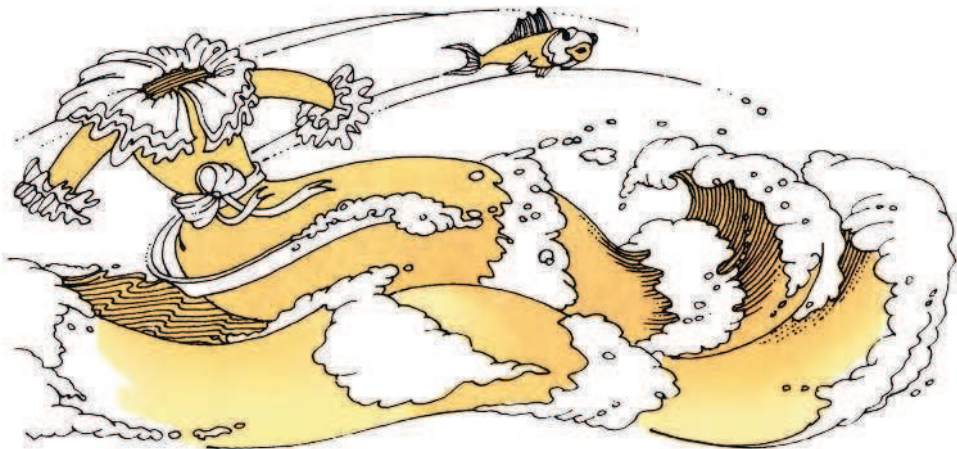
— А какими нитками?

— Нитками Сна.

— А... почём метр?

Носишка ткнула свою куклу локтем в бок:

— Замолчи, Эмилия! Рыбки испугаются твоих глупостей и сбегут с платья...

Не успела Носишка произнести эти слова, как откуда-то снаружи раздался сильный гром и чей-то голос прокричал протяжно:

— Носи-и-шка, бабушка зовёт!

Все обитатели морского царства так перепугались, что разом пропали, как по волшебству. Поднялся сильный ветер, поднял Носишку вместе с её куклой и унёс со дна океана на берег ручейка, протекающего в глубине сада...

Носишка вскочила и побежала домой. Как только она показалась, донна Бента окликнула её:

— Лусия! У нас большая новость. Теперь тебе будет с кем играть. Угадай-ка, кто к нам приезжает?

— Принц Серебряная Рыбка? Да, да, он мне обещал...

Донна Бента сделала испуганное лицо:

— Что с тобой, девочка, ты бредишь?

— Майор Жаба? Но он, кажется, не собирался.

— Какой майор, какая жаба, господи! Приезжает Педриньо, мой внук, сын твоей тёти Антоники, твой двоюродный брат.

Носишка запрыгала от радости:

— А когда приезжает мой брат?